

ЧЕЛОВЕК В МИРЕ КУЛЬТУРЫ: ИССЛЕДОВАНИЯ, ПРОГНОЗЫ

*Материалы
Международного научного конгресса
17—18 апреля 2007 года*

Научные редакторы:

д-р ист. наук Р.Р.ЮСУПОВ, д-р пед. наук Р.З.БОГОУДИНОВА,
д-р филос. наук Г.П.МЕНЬЧИКОВ

Составители:

А.Р.АБДУЛХАКОВА, Р.З.БОГОУДИНОВА, Ю.Н.ДРЕШЕР,
Т.И.КЛЮЧЕНКО, Г.И.ФАЗЫЛЗЯНОВ, Н.Г.ЯШИНА

Ч-39 **Человек в мире культуры: исследования, прогнозы: материалы** Междунар. науч. конгр., Казань, 17—18 апр. 2007 г. / Федеральное агентство по культуре и кинематографии РФ; Казан. гос. ун-т культуры и искусств. — М.: ВИНТИ, 2007. — 500 с.
ISBN 5-94697-007-1

Проблематика материалов, вошедших в сборник, чрезвычайно широка. Книга открывается статьями, в которых предпринимаются попытки философского осмысления эволюции современной цивилизации. В данном контексте анализируются процессы, происходящие в российском обществе, в частности в социально-культурной сфере. Далее следуют материалы, посвященные отдельным аспектам культурологии и вопросам развития конкретных областей культуры. Затронуты темы, связанные с историей, литературой, музыкой, театром, кинематографией, хореографией, национальными традициями, туризмом, библиотечным делом, научно-информационной, издательской деятельностью и т.д.

Книга предназначена для преподавателей, аспирантов, студентов вузов культуры и искусств, других учебных заведений или их подразделений гуманитарного профиля, для руководителей и работников социально-культурной сферы, а также для всех тех, кто интересуется вопросами развития культуры.

вой информацией, музыкальными произведениями, использовать синтез звуковых, зрительных и двигательных образов, что способствует развитию художественного вкуса и дает возможность не только получить знания в области культуры и искусства, но и приобщиться к будущей учебно-методической деятельности, развить в себе профессиональные и общекультурные навыки.

Таким образом, отсутствие в вузах системы эстетического образования и воспитания как единого гармонического целого, охватывающей всех студентов с I по V курс, учитывающей их профессиональную направленность, специфику факультета, потребности эстетического и художественного развития личности, сочетающей духовно-интеллектуальный и прикладной уровень постижения искусств и творчества, порождает ряд проблем: разрыв между профессиональным, художественно-эстетическим и нравственным началом в подготовке специалиста; отставание эмоционального начала в развитии личности студента от интеллектуального; преобразование потребительски репродуктивных установок по отношению к жизни и искусству над творчески-продуктивными; художественно-эстетическая безграмотность при больших возможностях города в деле приобщения молодежи к высоким образцам художественных

ценностей; неумение организовать жизнь по законам красоты.

К сожалению, исключение из государственных образовательных стандартов дисциплин художественно-эстетического цикла как обязательных порождает противоречие между колоссальными возможностями этих дисциплин в профессиональном становлении личности специалиста и отсутствием их востребованности, наносит удар по уровню общей и профессиональной культуры будущих специалистов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Исаев, И.Ф. Профессионально-педагогическая культура преподавателя / И.Ф.Исаев.—М., 2004.
2. Идеал эстетического воспитания.—В 2 т.—М., 1973.
3. Кессиди, Ф.Х. Глобализация и культурная идентичность / Ф.Х.Кессиди // Вопросы философии.—2003.—№ 1.—С.76—79.
4. Красильников, И. Культуросообразная модель образования / И.Красильников // Искусство и образование.—2003.—№ 1.—С.8—15.
5. Лапин, Н.И. Проблема социокультурной трансформации / Н.И.Лапин // Вопросы философии.—2000.—№ 16.—С.3—17.
6. Многоликая глобализация / под ред. П.Берера, С.Хантингтона.—М.: Аспект-пресс, 2004.—379 с.
7. Столович, Л.Н. Красота. Добро. Истина / Л.Н.Столович.—М., 1994.

Г.И.Старкова

Удмуртский государственный университет, Ижевск

ПРОЯВЛЕНИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ В ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ ДЛЯ ЮНОШЕСТВА УДМУРТИИ 1920—1930-х ГОДОВ

В процессе становления детская и молодежная периодическая печать Удмуртии испытывала немалое влияние российских тенденций развития прессы, в том числе изданий для юношества. Но при этом на страницах газет и журналов нашли отражение как социальные, так и национальные и культурные особенности, проявились этнокультурные традиции вотяков (так называли удмуртов в досоветский период) — коренного населения Удмуртии. На территории современной Удмуртии, которая до ноября 1920 г. входила в состав Вятской губернии и являлась «национальной окраиной» России, периодические издания для детей и юношества появились в 1920—1930-е годы [1]. До революции вотяцкий народ был в общей массе неграмотным и отсталым в культурном отношении, о чем писала газета «Жизнь национальностей». Даже просвещение газета называла «злостным издевательством над душой ребенка и юноши, систематическим коверканием этой души, дабы потушить в ней малейшие проблески самосознания и стремления понять окружающую ее действительность...». К тому же «родной язык изгонялся совершенно из школы» и «чтение на родном языке преследовалось» [2]. А, как писал Ю.В.Бромлей, «основная масса этнокультурной (в первую очередь связанной с языком) информации усваивается человеком в раннем возрасте» [3]. Кроме того, в силу свойства языка обеспечивать фиксацию, хранение и передачу информации в пределах каждой этнической общности, он, «с одной стороны, выступает главным фактором культурной интеграции этноса, с другой — важней-

шим средством осуществления межпоколенной культурной преемственности» [3].

Удмуртский этнограф, поэт, педагог, редактор Кузьма Чайников (Кузубай Герд) в 1919 г. также в качестве причины невежества вотяков называл ужасную постановку обучения в царской школе, в результате чего «русские книги читать и понимать он (вотский ребенок — Г.С.) не мог, а родной язык он знал настолько плохо, что разбирать и понимать литературные произведения был не в состоянии» [4].

Конечно, неграмотность и плохое знание удмуртского и русского языков осложняли жизнь, но душа народа проявлялась в устном творчестве, в произведениях фольклора. Как писали «Известия Вятской губернии», «Вятский край, издавна заселенный различными по своей культуре народностями, всегда обращал на себя внимание склонностью населения к художественному творчеству» [5]. Еще в конце XIX века удмуртский педагог-просветитель Г.Е.Верещагин отмечал, что «практикуются своеобразные шутки, забавы, фокусы и загадки», что «от взрослых они (дети — Г.С.) заимствуют представления о природе и ее явлениях» и что «сказки, в которых фигурируют эти существа (мифологические — Г.С.), содействуют передаче веры в них детям» [6]. Таким образом, уже с детства удмуртская молодежь знакомилась с фольклорными художественными образами, воспринимала житейскую мудрость народа, выраженную в сказках и песнях, пословицах и поговорках.

Под влиянием фольклорных традиций рождались и удмуртская литература, и публицистика [7]. Многие

зачинатели удмуртской литературы сами были собирателями фольклора, воспитывались на традициях устного народного творчества, использовали приемы выразительности, присущие фольклорным произведениям [8].

Основоположник удмуртской советской детской литературы К. Герд считал, что устное творчество живо откликается на все события, происходящие в жизни народа. Сам он был активным собирателем удмуртских песен, легенд, сказок, загадок [9] и считал, что «народная поэзия безусловно сильно повлияет на развитие вотяцкого искусства...» [10]. Герд любил и ценил родной язык, поскольку «в сокровищницу родного слова одно поколение за другим складывает плоды глубоких сердечных движений, исторических событий, верования, следы прожитого горя и прожитой радости...» [11]. Он рекомендовал шире использовать народные сказки для воспитания детей. Будучи заведующим издательским отделом Вотского комиссариата, Герд в 1920 г. создал и редактировал первый журнал для детей «Муш» («Пчелка»). Само название журнала неслучайно: в удмуртском фольклоре (кстати, как и в русском) пчела олицетворяет человека-труженика, значит, пчелка — это маленький человек, ребенок-труженик. А рой пчел в фольклоре символизирует дружный коллектив. В журнале наряду с произведениями удмуртских авторов публиковались народные сказки, загадки, пословицы и поговорки, способствующие воспитанию любви к своему народу.

Пресса как составная часть литературы, можно сказать, «кормилась от фольклора, впитывая в себя дух, традиции, готовые формы, приобретая национальный характер» [12]. Так, фольклорная традиция проявилась в студенческой газете «Студіозусь» (г. Глазов, 1917 г.) [13].

Для периодики Удмуртии 1920—1930-х годов было характерно двуязычие, которое венгерский исследователь удмуртской литературы П. Домокош назвал «наиболее заметной чертой представителей младописьменных литератур» [12]. Двуязычие выступает как этнокультурная традиция, присущая малым народам Поволжья, которые могут пользоваться родным и русским языками, и отражающая бикультурализм (двойную культуру) этих народов. Например, в конце 1918 г. созданное К. Гердом в г. Малмыже национальное общество издавало удмуртскую страницу в уездной газете «Известия Малмыжского Совета», где печатались статьи о жизни удмуртов на удмуртском и русском языках.

Двуязычие выступало и как форма представления материала для молодежи разных национальностей, и как определенный компромисс в сложной ситуации выбора языка газеты, понятного читателям, и как средство межкультурной коммуникации [14]. Так, двуязычными были журнал «Муш», ижевские газеты «Егит большевик» («Молодой большевик»), «Призывник» и др. Еще в 1921 г. юношеские газеты начинают выходить одновременно на русском («Юный металлист») и удмуртском («Егит дурись» — «Молодой кузнец») языках, что позволяло обеспечить доступность информации для разноязычных читателей. Кроме того, в 1930-х годах в связи с так называемой «коренизацией» в русскоязычных газетах «За коммунистическое воспитание детей», «За медицинские кадры», «Молодой большевик» и «Призывник» призыв «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» был продублирован и на удмуртском языке. Именно газета «При-

зывник» — результат работы выездной редакции газет «Ижевская правда», «Удмурт коммуна» и «Егит большевик» на ижевском призывном пункте явилась наиболее ярким примером двуязычной газеты [15]. Для успешного выполнения своих функций — воспитывать молодежь в духе патриотизма и интернационализма и содействовать мобилизации ее в Красную Армию — газета публиковала материалы на русском и удмуртском языках, причем в разных вариантах и соотношениях, благодаря чему «Призывник» был интересен и для русской, и для удмуртской молодежи.

Хотя удмуртский народ является частью интернациональной общности народов России, «национальное своеобразие литературы (а значит, и периодики — Г.С.) удмуртов проявляется и в национальном характере литературных героев, и в национально специфическом художественном видении писателей, что, в свою очередь, находит воплощение в национальной поэтике произведений» [16]. Например, широко используется в газетах для юношества песенная традиция удмуртов в виде публикации текстов народных песен и частушек и применения в материалах образно-языковых средств, характерных для песен. Так, в однодневной газете Малмыжского уездного комитета по проведению «Недели ребенка» (9 декабря 1920 г.) опубликована стилизованная под народную «Песенка крестьянина» 10-летней девочки Фели. Здесь же удачно использованы присущие фольклору повторы. Например, в стихотворении К. Герда «Дась Лу!» («Будь готов!»), напечатанном в № 1 газеты «Дась Лу!» за 10 января 1930 г., словосочетание «Дась Лу!» звучит рефреном, завершая каждое четверостишие. Повторы использованы и в стихотворении «На помощь детям» в малмыжской газете «Неделя ребенка». Там же присутствует песенное сравнение: *Не цветочки вянут в поле / От осенних холодов. / Вянут, вянут в злой недоле / Дети сел и городов, а также сказочный персонаж: Не зарой в землю излишек, / Как безжалостный Кащей... и олицетворение птицы: Как орел расправит крылья / Возрожденная страна.*

Газета «Призывник», например, за 4 октября 1936 г. опубликовала частушки на удмуртском языке, а за 8 октября в рубрике «Старые народные удмуртские песни» напечатала на русском языке «Песню рекрута», а также песни «Утро» и «Луговая». При этом ощущалось и этнокультурное воздействие со стороны культуры русского народа. Создавая образ революции, поэты часто использовали традиционные художественные приемы, обогащая их новым содержанием: *Здравствуй, труд — свободный, вольный, / Здравствуй, красная заря! / Засияет край привольный, / Зацветут луга, поля* (страничка «Коммунистическая молодежь» в газете «Вятская правда», 9 мая 1920 г.).

Анимистическое представление удмуртов о мире выразилось в сопоставлении человека и природы, например в стихотворении «К свету» (страничка «Красное юношество» в газете «Красный пахарь» за 8 июля 1920 г.) или в стихотворении «Комсомолке»: *Ты птица свободная. Смелые крылья / Несут тебя прочь от оков и бессилья...* («На смену», 26 июня 1924 г.). При этом нередко слова употребляются в окказиональном сочетании, как в стихотворении «Заря обновления» («Красное юношество», 9 мая 1920 г.). В поэтических произведениях многокрасочность передается через цветочные, метонимические и синонимические эпитеты как символы настроения

и отношения, например в стихотворении «Юному коммунару» («Юный металлист», 25 октября 1922 г.) или в стихотворении «На страже» («Призывник», 1 сентября 1938 г.).

В тексты газетных и журнальных материалов авторы вводят народные произведения, выявленные в ходе краеведческой работы. Так, учащиеся-удмурты из Якшур-Бодьинской школы 1-й ступени собрали «удмуртских загадок — 237, народных примет — 180», а учащиеся-русские — «частушек — 116, загадок — 133, пословиц — 22, народных примет — 133», которые использовались для журнала, выпускавшегося самими школьниками [17].

Национальное своеобразие проявляется в географических названиях населенных пунктов: Пичи Пурга («Малая Пурга»), Можга техникумы («Дась Лу!», 10 января 1930 г.); в газете «Юный металлист» за 1922 г. была рубрика «По городу Ижевску». Подчеркивается принадлежность героев публикаций к удмуртскому народу: «*Политрук тов. Вавильев с удмуртской частью призывников провел на национальном языке беседу о международном положении*» («Призывник», 9 октября 1936 г.); «Отряды юных пионеров Вотобласти», «В ячейке Вотклуба» («На смену», 26 июня 1924 г.). Газета «Юный металлист» за 24 мая 1924 г. поместила статью, подписанную «Удмурт». Национальная специфика проявилась и в заглавиях газетных материалов: «Политучеба среди националов» («За учебу», августа 1928 г.); «Споём удмуртские песни» («Будь готов», 16 октября 1936 г.) и в подзаголовочных данных: «Ежемесячный журнал для вотяцких детей» («Муш», 1920 г.). А также в представлении пейзажа, деревьев, плодов, цветов удмуртской земли: *Принахмурилась рябина, / Мелкий дождик моросит...* («Призывник», 2 октября 1936 г.).

Для передачи своего отношения к описываемым событиям авторы прибегают к преувеличению, гиперболлизации, например в статье «Молодежь, снова за винтовку» («Коммунистическая молодежь», 9 мая 1920 г.) или в стихотворении «Песня Красной Армии» («Резерв революции», 18 ноября 1920 г.). Излюбленным приемом было восклицание и даже ряд восклицаний, например в стихотворении «Крестьянским девушкам»: *Девушки юные — жизни разбитые, / Смело вступайте, скорее в ряды! / Мы воскресим ваши грезы забытые / Счастье и радость вас ждут впереди!* («Красная молодежь», 12 августа 1920 г.).

Кроме того, авторы, обращаясь к молодежи, прибегали к образам народных преданий: «*Мировые акулы чуют, что рабочая молодежь воткнет осиноый кол в их могилу...*» («Жизнь крестьянина», 5 сентября 1920 г.), использовали народные эпитеты, например в газете «Юный металлист» (11 сентября 1921 г.) заметка о краже из библиотеки называется «Худая трава» и была рубрика «Черная доска». Активно использовалась эмоционально-экспрессивная лексика, часто отражающая природные явления, и образы, передающие напряженную ситуацию и боевой настрой молодежи: *Мы первый гром весны мятежной. / Раскаты грозных громовых, / Борьбы кровавой неизбежной... / По всей земле зажгли пожары / Востаний гордых буревых* («Коммунистическая молодежь», 2 декабря 1920 г.). Часто использовался образ солнца как символ будущей счастливой жизни и весны — революции, например на страничке «Коммунистическая молодежь» за 18 сентября 1920 г. публикуется стихотворение «Юность» со словами: *Бро-*

сим в мир стальные речи, / Солнце яркое зажжем, а на этой же страничке за 2 декабря — стихотворение «К солнцу».

Периодически публиковались материалы об известных удмуртах, например о писателях И.Г.Гаврилове и К.Митрее («Будь готов», 16 октября 1936 г.), о местных героях, например об И.Пастухове.

Таким образом, периодика для юношества 1920—1930-х годов донесла до сознания читателей и сохранила большинство этнокультурных традиций, способствуя формированию в молодом поколении национального самосознания.

Этнокультурные традиции проявляются и в современных газетах и журналах для детей и молодежи, поскольку одним из актуальных направлений образовательной политики Российской Федерации является этническое и национальное содержание образования и воспитания с учетом специфических этнокультурных особенностей и интересов каждого из народов, населяющих Россию [18]. К тому же сама молодежь стала больше интересоваться историей, культурой, обычаями и традициями удмуртского народа. Например, огромный интерес детей Удмуртии вызвал спецвыпуск ижевского журнала «Размышляйка», подготовленный редакцией совместно с Министерством национальной политики Удмуртской Республики в конце 2003 г. Представленные в журнале пословицы, загадки, песенки, частушки, сказки, легенды, игры были отобраны руководителями национально-культурных центров и обществ народов (более 70), проживающих на территории республики. Традиция двуязычия, например, нашла свое воплощение в № 3 ежемесячной газеты студентов Удмуртского государственного университета «Универ.ру» за февраль 2007 г., в которой присутствует рубрика «Егит мылкыд» («Молодое настроение»), содержащая две статьи на удмуртском языке.

Живучесть этнокультурных традиций на страницах молодежных газет Удмуртии подтверждает, что каждый народ, его культура и язык — уникальны и являются составной частью богатства страны и мира в целом. А сами газеты выполняют дополнительную функцию гармонизатора межэтнических взаимодействий, содействуют принятию удмуртских языка и культуры как равноценных русским и росту самосознания удмуртской молодежи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Старкова, Г.И. Становление детской периодической печати в Удмуртии / Г.И.Старкова // VII науч.-практ. конф. преподавателей УдГУ, посвящ. 245-летию г. Ижевска: Материалы конф.—Ч. 1.—Ижевск, 2005.—С.92—98.
2. Дело просвещения национальных меньшинств // Жизнь национальностей.—1918.—15 дек.
3. Бромлей, Ю.В. Этнос и этнография / Ю.В.Бромлей — М: Наука, 1973.—282 с.
4. Чайников, К. Среди вотяков (этнографический очерк) / К.Чайников // Жизнь национальностей.—1919.—13 июля.
5. Лебедев, А.С. Вопросы искусства в Вятском крае / А.С.Лебедев // Известия Вятской губернии.—1919.—26 янв.
6. Верещагин, Г.Е. Очерки воспитания детей у вотяков Вятской губернии / Г.Е.Верещагин // Вятские губернские ведомости.—1892.—9 мая.
7. Клабуков, А.Н. Фольклор в развитии советской удмуртской литературы / А.Н.Клабуков // Записки УдНИИ истории, литературы и языка при СМ УАССР.—Вып. 12.—Ижевск, 1949.—С. 96—104.
8. Яшин, Д.А. Роль эпических жанров фольклора в становлении удмуртской литературы / Д.А.Яшин // 200 лет уд-

14. Старкова, Г.И. Детские и юношеские периодические издания как средство межкультурной коммуникации / Г.И. Старкова // Язык и межкультурная коммуникация: мате-

18. Библиотека и книга в контексте истории: матер. науч.-практ. конф.—Ижевск. 2002.—115 с.

Р.И.Сулимов

Казанский государственный университет культуры и искусств

ВЛИЯНИЕ МУЗЫКИ НА ОБРАЗ ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА

В общественной жизни музыка существует, в известном смысле, в «двойном облики»: как область профессиональной художественной культуры и как мир музыкальных образов, набор музыкальных событий для людей, профессионально музыкой не занимающихся. Такая своеобразная двойственность порождает напряженное существование этого вида искусства в обществе: то профессионалы, то публика — и практически никогда одновременно — становятся лидерами в формировании структуры, содержания музыкальной жизни в городе, республике, стране.

Например, в XIX в. и начале XX в. городская музыкальная культура России определялись профессиональными музыкантами и критиками. В это время активный поиск образных форм, интонаций, выразительных средств находил непосредственный выход на аудиторию знатоков и любителей музыки, а общий дух просветительства и интереса к новому способствовал тому, что результаты этого поиска быстро становились культурными ценностями и распространялись в таком качестве на аудиторию в целом. Свидетельством определяющего влияния профессионально на более широкий круг явлений музыкальной культуры является, например, тот факт, что городской романс, городской фольклор выстраивался по профессиональным образцам, а народная музыка собиралась и обрабатывалась крупнейшими композиторами того времени.

Иное положение дел можно наблюдать сегодня. Демократизация искусства закономерно привела к упрощению музыкальных ценностей: значимым в массовом масштабе стало то, что проще для восприятия большинства людей. И хотя напряженный поиск нового языка для изменившегося мироздания не прекращается среди музыкантов, его результаты чаще всего не выходят за рамки профессиональной культуры. В музыкальной городской жизни доминируют в основном два направления: воспроизведение привычного, хорошо известного классического наследия, с одной стороны, и городской фольклор в жанрах рок-музыки и «самодетельной песни» — с другой. Итак, сегодня публика, а не профессиональные музыкан-

ты, определяет содержание музыкальной городской культуры.

Однако существующая ситуация не вечна. Она будет меняться сама собой за счет изменения интересов, вкусов, пристрастий различных слоев горожан. Но она может стать и объектом целенаправленного регулирования. Для этого необходимо понять, какие социальные слои заинтересованы в переменах, четко сформулировать цели таких перемен и культурные задачи, которые следует решить для их достижения. Но все это невозможно без тщательного изучения динамики музыкальной жизни в культуре, которое позволяет понять ее механизмы. Необходимую полноту картины дает диалог между музыкантами, учеными и публикой. В свою очередь, знание подобных механизмов значительно проясняет вопрос о способах существования музыки в культуре и помогает упорядочить это существование в социальном плане. Пока такого обсуждения фактически не происходит. Музыковедение только начинает выходить на уровень социального и культурного осмысления феноменов музыкальной культуры и пока в основном ограничивается областью исторического прошлого. Музыкальной критике явно не хватает философской и социально-культурной глубины. Поэтому в критических статьях господствует описание отдельных событий музыкальной жизни, рассматриваемых вне современного культурного контекста; оценочный подход здесь явно превалирует над аналитическим. Сегодня этого, безусловно, мало. Нам надо — и при этом как можно скорее и активнее — осмыслить в наиболее существенных чертах и тенденциях современную музыкальную жизнь в стране. Без ее понимания невозможно дальнейшее развитие музыковедения, музыкознания, критики и, главное, невозможно целенаправленное развитие музыкальной жизни в стране. Именно развитие как переход в новую стадию, отражающую сегодняшнее мировидение и его перспективные тенденции, стадию, которая по уровню должна быть по меньшей мере не ниже той, что была в России, скажем, на рубеже XIX и XX вв. В подходе к данной проблеме важно выделить несколько наиболее существенных аспектов.